

ШМАЛЬСТИГ У. Р.

К ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

(В связи с выходом в свет книги Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы»)

Книга Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова — поистине впечатляющий труд. Тем не менее, как пишут сами авторы, это не механическое соединение отдельных частей, написанных ими порознь, а итог последовательного изложения выводов и результатов многолетних совместных исследований, которые велись начиная с 1970 г.

В первом томе (главы 1—7) содержится исследование фундаментальных вопросов структуры праиндоевропейского языка, охватывающее широкий круг фактов и дающее достаточно полное представление о характере этого языка в его динамическом развитии и в его типологическом соотношении с другими языковыми системами. Второй том состоит из двух разделов: (1) семантического словаря общиндоевропейского языка, построенного не по алфавитному, а по смысловому принципу (главы 1—10); (2) хронологии общиндоевропейского языка и обсуждения проблемы прародины индоевропейцев и путей миграций индоевропейских племен в исторические места их обитания (главы 11—12). По мнению авторов, оба раздела второго тома можно читать без предварительного ознакомления с первым томом, а второй раздел второго тома может быть прочитан без ознакомления с первым разделом (с. X—XI).

Исходя из определенных типологических соображений, авторы устанавливают систему согласных праиндоевропейского языка (т. I, с. 16).

Серия I (глоттализированные согласные) соответствует традиционным звонким согласным, серия II — традиционным звонким придыхательным и серия III — традиционным глухим согласным. Далее авторы устанавливают определенные ограничительные правила, характеризующие и.е. корень. Согласно первому правилу (с. 18), *«две смычные фонемы с одинаковыми наборами дифференциальных признаков несовместимы в пределах одного корня структуры C_1VC_2 (невозможность корня типа T_1ET_2 , где $T_1 = T_2$)»*. Иными словами, начальный согласный корня не может совпадать с конечным. Согласно второму правилу (с. 18), *«две глоттализированные смычные согласные (т. е. согласные серии I индоевропейских смычных) несовместимы в пределах одного корня структуры C_1VC_2 (невозможность корня типа * $t'ek'$ -, т. е. корня типа * deg - — в традиционной системе)»*. Это ограничение на сочетаемость в традиционной форме было обнаружено еще А. Мейе, однако реинтерпретация серии I как серии глоттализированных, а не звонких¹ делает возможным типологическое сравнение. В исконно картвельских словах не сочетаются две неидентичные глоттализированные согласные. В соответствии с третьим правилом (с. 19), *«глоттализированные могут сочетаться со всеми фонемами серии III как*

в предшествующей], так и в последующей позиции (т. е. возможны комбинации...)). Авторы привлекают внимание к отсутствию сочетаний фонем серии II (звонких смычных) с фонемами серии III (глухими смычными), т. е. нет корней типа $D^{[h]}ET^{[h]}$, $T^{[h]}ED^{[h]}$ (корни типа **bhet-* и **tebh-* в традиционной системе). Четвертое правило (с. 20): «Неглоттализованные смычные в составе одного корня должны характеризоваться одинаковым значением признака звонкости—глухости (т. е. возможны только корни типа $D^{[h]}ED^{[h]}$ или $T^{[h]}ET^{[h]}$)». Это могло быть результатом ассимиляции по звонкости—глухости, что объясняло бы большее число корней со структурой $T^{[h]}ET^{[h]}$ и $D^{[h]}ED^{[h]}$ по сравнению с корнями других структурных типов.

Основной аллофон II (звонкой) и III (глухой) серии — придыхательный, но если две фонемы серии II встречаются внутри одного корня, лишь одна из них будет аспирированной (с. 21). Таким образом, как пишут авторы, закон Грассмана рассматривается как чередование придыхательных и непридыхательных звуков на аллофонном уровне, а не как процесс дезаспирации придыхательных фонем. Это хорошо согласуется с тем, что пишет И. Саг [1, с. 604], а именно, что у Панини нет первоначальных (underlying) дезаспирированных корней. И. Саг, правда, приводит другие спорные формы [1, с. 605]; «*bodhi* (императив от *bhu-*, а не *budh-*, который является неправильным в связи с наличием корневой согласной), где внекорневой придыхательный привел к дезаспирации начального согласного корня. Ведическое и классическое *jahi* (императив от *han-*) также является реликтовой формой, обнаруживающей данное древнее распределение». Конечно, действие закона Грассмана могло продолжаться и после общиндоевропейского периода.

Авторы далее пишут, что общий закон распределения придыхательных и непридыхательных аллофонов не во всех и.-е. диалектах реализовывался одинаковым образом. Наряду с распределением «непридыхательный/придыхательный (DED^h)» для некоторых и.-е. диалектов, в частности, для италийского (но, возможно, и германского ареала) можно предположить обратную последовательность — «придыхательный/непридыхательный (D^hED)». Такой дистрибуцией звонких фонем серии II можно было бы объяснить наличие начальных фрикативных *f* и *h* в тех латинских формах, где в соответствующих формах греческого и индоиранского выступают рефлексы непридыхательных и.-е. аллофонов. Ср., например, лат. *fidō* «доверять, верю», *foedus* «союз, договор» < и.-е. **b^heloid-* (при греч. *peithomai* «убеждаюсь» < и.-е. **beid^h-*). (Однако в рамках глоттальной теории несколько иная интерпретация предложена П. Болди и Р. Джонстон-Стейвер [2].)

Аналогично звонким смычным фонемам серии II, основной вариант которых был придыхательным, у глухих смычных фонем серии III основной вариант также был аспирированным. Однако в германских языках существовали позиции, в которых фонемы серии III были непридыхательными. Так, данные германских языков предполагают, что в последовательности двух глухих смычных первая была придыхательной, а вторая — непридыхательной. Можно указать, например, на др.-в.-нем. *nift-* «племянница» при лат. *neptis* «внучка», на гот. *stairno* «звезда» при лат. *stella*, греч. *astēr*. Однако многие германские корни обнаруживают и в начальной, и в конечной позиции придыхательный вариант глухой смычной, например, гот. *frapi* «смысл, понимание» при литов. *prōtas* «разум». Это могло быть результатом позднейших аналогических изменений, и следы первоначального распределения, возможно, сохранились в та-

ких формах, как гот. *afhvārjan* «потушить» < *k^hier — при греч. *αρδ καρῖδ*, как во фразе *αρδ δε ψυκῆεν ἐκὸ ρυσσεν* «она приглушила дыхание» (Илиада, XXII, 467), др.-инд. *kūryati* «приходит в движение, в бешенство», лат. *cupio* «желаю», литов. *kvāras* «дым». По мнению авторов, постулируемая система и.-е. смычных лучше всего сохранилась в германском, армянском и, вероятно, анатолийском [(хетто-лувийском), с. 35]. Систему смычных этих языков можно вывести из праи.-е. системы с допущением лишь небольших фонетических преобразований. В частности, в германской системе первая серия глоттализированных смычных отразилась как незвонкая и в прагерманском, возможно, характеризовалась глоттальной артикуляцией. Возможные следы такой первоначальной глоттальной артикуляции видны в некоторых просодических признаках позднейших германских языков. Одним из возможных источников ларингальной (абруптивной) артикуляции слогового сегмента типа дат. *stod* и других подобных явлений в словах типа исл. *va'tn* «вода» может быть перенос признака глоттализации на весь слог с превращением этого признака в суперсегментный (с. 35). Если предположить, что основной аллофон смычных серий II и III был придыхательным, становится более понятным следующий сдвиг к фрикативным в германском.

Возможно, еще более консервативной, чем германская система, является система армянского консонантизма. Глоттализированные (серия I) согласные отразились в армянском как серия незвонких смычных, которые в ряде современных армянских диалектов и сейчас выступают как глоттализированные. Однако фонологический статус признака глоттализации был утрачен в древнеармянском, когда придыхательность глухих согласных стала фонологически значимой. Принимая закон Стертеванта, авторы приходят к выводу, что неудвоенное написание хеттских является рефлексом смычных серий I и II, в то время как удвоенное — отражением смычных серии III. Так, хет. *e-ir-pi-ur* «я взял» соотносится с лат. *arīscor* «достигаю», др.-инд. *āpnoti* «достигает» в отличие от хет. *ne-pi-iš* «небо», греч. *néphos*, др.-инд. *nābhaḥ* «облако». Различие между смычными серии I (глоттализированной) и серии III (придыхательной) сохраняется в хеттском, где мы встречаем *šiyatt-* «день», *šiumi-šiuma-* «бог», родственные соответственно лат. *diēs* «день» и *deus* «бог» < и.-е. *t^hieus в отличие от окончания 3-го л. ед. ч. наст. вр. *-zi* < и.-е. *t^hi (с. 46). Ассибиляции дентальных не произошло, однако при рефлексах смычных и.-е. серии II, т. е. типа *d^h, это, возможно, объясняется просто их звонкостью.

Тохарская система пошла немного дальше хеттской: в ней все три и.-е. серии смычных слились в одну немаркированную серию глухих непридыхательных смычных. Однако различия между тремя сериями отразились в неодинаковом характере ассибиляции, которой они подверглись, ср., например, тох. А *śak*, лат. *decem* «десять» < и.-е. *t^heK^(h)-, тох. А *tsik-* «образовывать, оформлять», лат. *fungō* «образую, формирую», греч. *teikhos* «стена» < и.-е. *d^heiG^(h)-, тох. А *mācar*, лат. *māter* «мать» < и.-е. *māt^(h)er- (с. 49).

Авторы пишут, что переход глоттализированных согласных в звонкие наблюдается в ряде языков, например, в северокавказской группе. Так, бацбийские глоттализированные смычные и аффрикаты в интервокальной и конечной позиции соответствуют звонким смычным и свирнтам в чеченском и ингушском (ср. например, бацб. *nḥap'* «сон» = чеч.-инг. *nab*; бацб. *let'ar* «течь» = чеч. *ledar*, инг. *ladar*) (с. 51).

В древнеиндийском следы первоначального незвонкого характера фо-

нем серии I видны в морфемных сочетаниях типа *átti* «он ест» и *vit-tá* «известный» и соответственно и.-е. **et'-t^h* и **uit'-t^h* о-. В других позициях глоттализированные согласные просто озвончились и совпали со своими непридыхательными коррелятами серии II. Так, др.-инд. фонемам /b, d, g/ стали противопоставляться /bh, dh, gh/, возникшие из придыхательных аллофонов серии II. Фонема /b/, однако, не могла быть результатом озвончения глоттализированного **p*, поскольку эта фонема отсутствовала в и.-е. языке. Фонема /b/ возникла преимущественно как следствие переосмысления звонкого придыхательного аллофона *b* (серии II) в качестве лабиального члена серии звонких смычных, появившейся в результате озвончения фонем серии I (глоттализированных согласных). Число морфем с фонемой /b/ увеличилось за счет ономатопоэтических слов (с. 53). Авторы приводят схему вывода древнеиндийской системы из индоевропейской (т. I, с. 58).

В греческом и.-е. глоттализированная серия представлена *d, g*. У звонкого лабиального иные источники, нежели отсутствующий глоттализированный **p'*, ср., например, греч. *brotós* «смертный» при др.-инд. *mṛtá-h* «мертвый». Существенную роль также сыграли ономатопоэтические образования, например, *babái* (междометие удивления). Другим источником являются заимствования: греч. *báris* «плоскодонная лодка египетского типа», ср. н.-егип. *br* < копт. *bari* (с. 49).

В единичных случаях по не всегда понятным причинам смычные серии III сохранили придыхательный характер и представлены аспирированными согласными. Это относится в первую очередь к греч. *th* в окончании 2-го л. ед. ч. перфекта *-tha*, которое соответствует др.-инд. *-tha*. Это относится и к остаточным глухим придыхательным в греческом, которые, как считалось, имеют догреческое происхождение, например *áphēnos* «богатство, изобилие», ср. хет. *happin-ant* «богатый», др.-инд. *ápnas* «добро, имущество», лат. *ops* «изобилие». Вывод греческой системы из индоевропейской представлен таблицей на с. 63.

Существенной характеристикой этих преобразований является трансформация фонетического признака придыхания в фонологически релевантный признак в греческом и в древнеиндийском. При этом положительное значение признака звонкости меняется на отрицательное значение серии II при его превращении в релевантный в серии I (первоначально глоттализированная серия) (с. 64).

В итальянском преобразования в сериях I и III были аналогичны греческому и дали соответственно звонкие и глухие смычные (с. 64). В раннеитальянском произошло расщепление серий II и.-е. смычных на две фонологические серии: а) серию глухих придыхательных смычных и б) серию звонких смычных. Звонкие смычные, возникшие из непридыхательных аллофонов серии II, совпадают со звонкими рефлексам глоттализированных смычных серии I. Глухие придыхательные аллофоны, восходящие к серии II, подвергаются спонантизации — *f, θ, h*. Так, **b^h* > итал. **p^h* > лат. *f*, ср. лат. *ferō* «несу», умбр. *fertu; asfertur* «жрец», др.-инд. *bhárāmi* «несу» и т. п. Вывод итальянской системы из индоевропейской представлен таблицей на с. 73.

П. Болди и Р. Джонстон-Стейвер [2] предположили, что в итальянском фонетической причиной перехода начальных **b^h, *d^h, *g^h* в **p^h*t^h*k^h*, затем в **φ, *θ, *χ* и в *f, f, h* является начальное словесное ударение. Ср. например, **d^hérō* > **p^hérō* > **φerō* > *ferō* «несу», **d^hámos* > **t^hámos* > **θámos* > *fūmus* «дым», **g^h(i)yem-* > **k^h(i)yem-* > **χiems* > *hiems* «зима» в отличие от **álbos* > *albus* «белый», **widewā* > *vidua* «вдова», **ángu-* >

> **angi-portus* «узкая улица». Объяснение П. Болди и Р. Д.констона дает возможность принять праиталийскую двуаспирированную основу, как, например, **b^hc/oid^h*- для таких слов, как лат. *fidō* «верую, доверяю» и *foedus* «союз, договор» и т. п., и объяснить данное специфическое преобразование — отлично от объяснения Т. Гамкрелидзе и В. Иванова — расположением ударения на начальном слоге.

По мнению авторов, в балто-славянском и кельтском смычные серии I и II полностью сливаются, противопоставляясь серии III. Предлагаемая ими система трех серий и.-е. смычных основывается на предположении о наличии по крайней мере трех рядов (зон артикуляции), охарактеризованных как лабиальный, дентальный и гуттуральный (или велярный). Фонетико-фонологический характер лабиального и дентального рядов недвусмысленно устанавливается по их рефлексам в исторически засвидетельствованных и.-е. языках. Согласные этих двух рядов можно назвать «антериорными» в противовес «постериорным», артикулируемым дальше в полости рта. Судя по типологическим данным, три названных выше ряда согласных (лабиальный, дентальный и велярный) являются «самыми естественными» (с. 82).

В качестве дополнительных артикуляций при фонемах этих рядов могут выступать (а) огубление, (б) смягчение, или палатализация и (в) отверждение, или веляризация. Признак огубления может выступать в качестве дополнительного модификатора во всех трех рядах (включая и лабиальный), хотя в наибольшей степени это относится к велярному ряду. Фонологический признак лабиализации может проявляться в виде интенсивного огубления, веляризации или фарингализации соответствующего согласного, что автоматически вызывает слабое артикуляторное огубление. Дополнительный признак палатальности или смягчения может выступать во всех согласных за исключением собственно палатальных (с. 83).

Авторы высказываются в пользу традиционного различия в и.-е. чистых велярных, лабиовелярных и палатализованных велярных (с. 95). Они также постулируют наличие в и.-е. трех разновидностей сибиланта: обычного фрикативного сибиланта */s/, компактной фрикативной фонемы */š/ и лабиализованной фонемы */š^o/ (с. 116—134). Первая представлена такими хорошо известными этимологиями, как др.-инд. *sādayati* «усаживает», арм. *nstim*, греч. *hédzomai* «сажусь», лат. *sedēō* «сижу», гот. *satjan* «ставить», литов. *sedėti* «сидеть». Компактная фрикативная фонема */š/ представлена нулем в начальной предконсонантной позиции в древнеиндийском в отличие от начального s- в других и.-е. языках. Примерами могут служить др.-инд. *pāsyati* «видит», греч. *sképtomai* «смотрю», др.-в.-нем. *sprehōn* «рассматривать». В древнеиндийском в срединной позиции использование таких форм, как вед. перф. *paspašé*, аор. *āspašā*, привело к восстановлению форм с начальным s- (типа *spāsati*). Компактная фонема */š/ противопоставлялась диффузной фонеме */s/ и может рассматриваться как палатализованный коррелят последней. В начальной позиции перед гласной фонема */š/ представлена во многих диалектах нулем, но в другой группе как /s/: ср. инд. *āksi*, авест. *aši*, лат. *oculus*, литов. *akis*, ст.-слав. *око*, тох. А *ak*, В *ek*, но хет. *šakuwa* «глаза», *šakuwai*, гот. *saihan* «видеть».

В рефлексах лабиализованной фрикативной фонемы */š^o/ лабиализация может выступать в виде самостоятельного лабиального компонента в последовательности либо может вовсе отсутствовать. Третий вариант — сохранение лабиального компонента при утрате фрикативного. Формы с */š^o/ в начальной позиции: гот. *swistar*, др.-англ. *sweostor*, др.-ирл. *siur*, валл. *chwaer*, др.-пнд. *svāsar-*, арм. *k'oyr* при лат. *soror*, литов. *sesuō*,

ст.-слав. *sestra*, тох. А *ṣar*, В *ṣer* (с. 123). Ср. также галл. *suevos*, валл. *chweched* (< **ʃeċk*^[h]-) при лат. *sex*, гот. *saihs*, тох. А *ṣäk* (< **seċ*^[h]*s*-) при греч. дор. *Féks*, арм. *vec'* (< **ʃeċ*^[h]*s*-) (с. 124).

Авторы постулируют также поствелярную (или увулярную) глоттализованную смычную **q'* и поствелярную (или увулярную) глухую смычную **q^h*. Первая представлена начальными *g-*, *j-* либо нулем. Ср., например, лат. *geminus*, др.-инд. *ṃatáh* «близнец», лтш. *jumis* «двойной плод», др.-исл. *Ymir* «имя героя», сходное с инд.-иран. *Yámah*. Вторая представлена формами с начальным *k-* или нулем, например, лат. *costa* «ребро», ст.-слав. *kostǐ*, лат. *os/s*, хет. *ḫaštai* «кость» (хеттское *ḫ-* отражает более древнюю поствелярную фонему, которая совпала с ларингальной фонемой в глухом велярном спиранте /x/) (с. 131).

Другим гипотетическим построением, которое также могло относиться к весьма древнему периоду, является ряд бабиализованных дентальных согласных, в некотором роде параллельный лабиализованному велярному ряду, а именно: **t^o*, **d^[h]o*, **t^[h]o*. Это предполагается таким рядом соответствий в начальной позиции, как **du* в др.-инд. *dváu*, авест. *dva*, гот. *twai*, *twōs*, литов. *dvī*, прус. *dwai* «два»; **d-* в хет. *ta-a-i-u-ga-aš* «двухлетний», *ta-a-an* «второй»; **y* в гот. *wi-t* «мы оба», тох. А м. р. *wi*, ж. р. *we* «два», греч. *eikosi* др.-ирл. *fiche*, лат. *uīginti*, арм. *k'san* «двадцать»; *(*e*)*rk-* в арм. *erku* «два»; *b-* в авест. *baē* «два», кафирск. *baš* «двенадцать».

Схема раннеиндоевропейской системы смычных и сибилантных дана на с. 134. В приведенной авторами системе лабиальный и дентальный ряды остаются незаполненными в отношении признака палатальности и лабиальный ряд — в отношении признака лабиальности. Такие ряды, в частности палатализованный дентальный и палатализованный лабиальный, возникают в отдельных п.-е. диалектах, которые как бы заполняют недостающие фонологические звенья в и.-е. системе. Заполнение недостающих рядов происходит в некоторых из тех и.-е. диалектов, в которых при элиминации палатализованного ряда склеиваются согласные серии I и серии II, в частности, в кельтском и балто-славянском.

Хотелось бы здесь заметить, что в балто-славянском наблюдается определенное различие в отношении велярного (или палатального) ряда, с одной стороны, и лабиального и дентального рядов — с другой. У велярных этимологические последовательности **k* и **g* и гласного переднего ряда совпали с соответствующими последовательностями **kj* и **gj*. В результате и те, и другие отражены в исторических языках как **k'* и **g'*. Так, велярные в литов. *tikiū* «верю» и *lokū̃s* «медведь» — такие же, как в *regiū̃* «вижу» и *gū̃vas* «живой». Ср. также соответствующие латышские формы *ticu*, *lācis*, *redzu* и *dzīvs*. Аналогичным образом, имеем слав. *mlъѣр* (< **mlċkoN*) «молчу», *čьтѣ* (< **kitoN*) «читаю», *лѣжѣ* (< **legjoN*) «лежу» и *лѣжитъ* (< **legitū*) «лежит». Поэтому с точки зрения данных фонологических совпадений так называемая славянская «первая палатализация» должна быть отнесена также и к балтийскому. Ни в балтийском, ни в славянском не было первичного совпадения **b*, **p*, **d*, **t* перед гласным переднего ряда с *bj*, *pj*, *dj*, *tj*, ср. слав. *l'ubiti* «любить» при *l'ubl'ō* (< **ljubjoN*) «люблю», лтш. *bite* «пчела» при *blāurs* «злой» при литов. *bite* «пчела» и *bjaurū̃s* «безобразный».

Чтобы типологически подкрепить вероятность предлагаемой системы согласных, авторы приводят консонантные системы других языков, таких, как общекартвельский, общесемитский, а также систему смычных и сибилантных спирантов диалектов абхазского языка (с. 136).

Должен заметить, что я не являюсь убежденным сторонником типоло-

гических аргументов. Я не считаю, что если отсутствует модель того или иного языкового явления, то и самого явления быть не может [3, с. 17—18]. С другой стороны, мне представляется, что существование модели показывает возможность соответствующего языкового явления. В частности, я не нахожу причин неприемлемости глоттальной теории, что противоречит мнению тех лингвистов, которые желают отвергнуть глоттальную теорию лишь потому, что традиционная теория также может быть правомерной. Даже если традиционная теория обладает вероятностью, она необязательно должна быть признана верной. Тот факт, что большинство и.-е. языков обнаруживает *-d* (*decem, déka, daša, dēšimt* и т. д.) в отличие от двух языков, где мы находим *-t* (*tasn, tainun*), не доказывает, что исконным звуком был **d*. Возможно, существовали другие и.-е. языки, которые имели этимологическое *t*- в этой позиции и которые бесследно исчезли. Существование языка не имеет никакого отношения к типу этого языка. Существование языка определяется лишь тем, что носителям этого языка удалось выжить либо оставить те или иные письменные памятники.

Возникновение долгих гласных в и.-е. существительных им. пад. ед. ч. авторы объясняют тем, что сочетание **-VC-s* преобразуется в *-ŪC-s*. Так, например, **uók^[h]o-s* > **uók^[h]o-s* (ср. лат. *uōx* «голос», авест. *vāxš*, др.-инд. *vāk* «слово»). Подобным же образом **māt^[h]ers* > **māt^[h]ēr* «мать» с утратой конечного **-s* после сонанта (с. 183, 184). Авторы пишут, что подобное объяснение было предложено О. Семереньи [3, с. 109]. Однако в отношении основ с сонантами О. Семереньи дает несколько иное объяснение. Согласно последнему, в **mater-s* развилось *-err* и затем сочетание «краткий гласный + долгий согласный» было транспонировано в сочетание «долгий гласный + краткий согласный» [4, с. 30]. По мнению О. Семереньи, доказательством этого служат другие изолированные случаи, в которых можно исключить влияние аналогии; ср. **kēr* «сердце» < **kerd*, **wēr* «весна» < **wesr*, **pēs* «ступня» < *peś*, первоначально **ped-s* и т. д. О. Семереньи объясняет противоречащее этому окончание *-ons* (вин. пад. мн. ч. основ на *-o-*) аналогией с консонантными основами. В другом месте О. Семереньи пишет: «Все чаще вместо доказательства выдвигается просто предположение или конкретный тезис, поддерживаемый автором» [5, с. 56]. Мне кажется, что пример с окончанием **-ons* (формант вин. пад. мн. ч. основ на *-o-*) противоречит приведенной выше гипотезе О. Семереньи. Положение о том, что это окончание не является прямым отражением этимологического окончания основ на *-o-* представляет собой как раз пример того, против чего выступает сам О. Семереньи, а именно «предположение или конкретный тезис, поддерживаемый автором». Предположение относительно окончания вин. пад. мн. ч. имеет целью просто сделать внешне более приемлемым его теорию относительно форманта им. пад. ед. числа и лишено какой бы то ни было доказательной ценности. Я высказал предположение, что сочетание **-er-C* перешло в **-ē-C*. Считаю, что мое предположение предпочтительнее, т. е. оно отражает часть общего структурного преобразования, а именно внутреннюю и.-е. монофтонгизацию, а не изменение, ограниченное определенным морфологическим классом. Кроме того, я показал [5, с. 25], как данную монофтонгизацию можно было бы интерпретировать в свете сформулированных У. Лабовым принципов развития вокалических систем.

Можно было бы добавить, что нет необходимости в принятии положения о том, что окончание **-s* первоначально встречалось в номинативе ед. ч. всех существительных мужского рода (или одушевленных) в древнейший период. Существующие и.-е. языки обнаруживают в том же падеже разно-

образные окончания в зависимости от основы и рода, и нередко встречаются случаи, когда падежные окончания проникают в основы, частью которых они не могли быть с этимологической точки зрения, ср., например, литов. род. пад. ед. ч. *šūn̄s* (этимологическая форма) «собаки», однако также *šūnīs* (основа на *i*), *šūnio* (основа на *jo*) и т. д. Аналогичным образом можно указать на совр. греч. форму им. пад. ед. ч. *patéras* в отличие от этимологического *patēr* «отец».

Главной проблемой исторического языкознания я считаю отсутствие общепринятой и достаточно фундированной методологии. Если бы такая методология существовала, ее можно было бы применять как исследовательскую процедуру. Даже беглого знакомства с любой лингвистической публикацией достаточно для того, чтобы показать существование расхождений по широкому кругу вопросов.

Современное «знание» реконструируемого индоевропейского основано на предположениях, подобных известной басне Шлейхера. Некоторые индоевропейцы, к счастью, начинают это признавать. Например, А. Вамесбергер пишет: «Догматические построения того или иного рода совершенно неуместны в конце представленных здесь исследований» [6, с. 142]. По мнению П. Болди и Р. Джонстон-Стейвер, «...в исследованиях по сравнительной реконструкции не существует механизма, который позволял бы установить правильность реконструированной системы или относительное превосходство одной предлагаемой системы над другой» [2]

Относительно попытки Г. Хайдера хронологически отодвинуть возникновение глоттализированных согласных назад к праиндоевропейскому периоду Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов пишут: «В данном случае мы имеем дело, очевидно, с наблюдаемым у некоторых исследователей стремлением во что бы то ни стало „спасти“ традиционную индоевропейскую систему смычных, которая сама по себе является лишь реконструированной языковой моделью, постулированной в результате теоретического осмысления соотношений между историческими родственными языками, а не исторически засвидетельствованной системой индоевропейского праязыка и поэтому такой же гипотезой, как и любая другая» (с. 1319). Как заметил М. Планк (по свидетельству Б. Барбера [7, с. 597]): «Новая научная истина побеждает не потому, что переубеждены ее противники, а скорее потому, что ее противники умирают, и вырастает новое поколение, знакомое с этой истиной».

Т. В. Гамкрелидзе с Вяч. Вс. Ивановым отмечают, что в дополнение к долгим гласным в им. пад. ед. числа и долгим гласным, возникшим из сочетаний с ларингальным, некоторые гласные происходят из сочетания гласного с *ɥ* или *ʝ*. Так, например, сочетание **ou* в предконсонантной позиции дает *ō*. В качестве примера авторы предполагают, что **k^hou-s* > **k^hō-s*, ср. греч. дор. *bōs*, лат. *bōs*,¹вин. пад. ед. ч. **k^hou-m* > **k^hōm*, как в греч. дор. *bōn*, др.-ипд. *gām* (с. 191). В интервокальной позиции сохраняется первоначальное сочетание, например, греч. род. пад. ед. ч. *bo(F)ōs*, лат. род. пад. ед. ч. *bovis* и т. д. Я полностью согласен с таким решением, следуя в этом за О. Семереньи [8, с. 186] (см. мою книгу [5, с. 54—55] и статью [9, с. 114]). Однако я бы связал рассмотренное явление с более общей теорией монофтонгизации внутри индоевропейского, что может придать указанному фонологическому изменению общий структурный статус.

В первом разделе второго тома показывается, как лексика может быть использована в качестве основы для реконструкции семантического слова-

ря праязыка. Авторы пишут (с. 457): «Семантическая реконструкция соответствующих лексем диалектов определенного языка позволяет (хотя по необходимости и фрагментарно) представить общую картину основных моментов исторического существования носителей родственных диалектов».

Первая глава второго тома озаглавлена «Мир „живого“. Боги, человек, животные». Она начинается с этимологии **k^hoi-*, **k^hei-* «жить». Авторы высказывают предположение, что корень **b^heyH-* (др.-инд. *bhāvati* «становится» и др.) служил для обозначения растительного мира (ср. греч. *phutón* «растительность, растения»), а **Hues-* (гот. *wisan* «быть») — для обозначения человека и животных: ср. хет. *hūiš-*, *hūēs-* «жить, существовать», др.-инд. *vāsati* «находится, пребывает» (с. 467—468). К одушевленным существам относятся дикие животные, обозначаемые **ǵ^her-* (греч. *ther*, лат. *ferus*, др.-русск. *звѣрь* «дикий зверь»). Диким животным противопоставляются **yūr-* «человек» и **p^hek^hu-* «домашнее животное». Все это иллюстрируется в терминах семантических различительных признаков «дикое животное» противопоставляется «человеку/домашнему животному» по признаку «±дикий» (с. 471). В дополнение к классификации по признаку двуногости/четвероногости живые существа классифицируются по их разумности/неразумности. Разумные существа делятся затем на смертных, живущих на Земле, т. е. людей, и бессмертных, небожителей, т. е. богов. Ср. соответственно др.-инд. *mārta-*, авест. *maša-*, арм. *mard* «человек» (корень **mer-* «умирать») и др.-инд. *amṛta-*, авест. *aməša*, греч. *ambrotos* «бессмертный» (<**n + mṛt^ho-*). Слово для Бога представлено **t^hey-*, **t^hiy-*: ср. хет. *šiu*, др.-инд. *devā-*, лат. *deus*. др.-ирл. *día* «бог», греч. *Zeús*, лув. *Tiyat-* «Бог Солнца». Авторы строят дерево семантических признаков недиких одушевленных существ (с. 481). Дикие животные, в свою очередь, делятся на три группы, а именно, животные «верхнего мира» [**Hue(i)-* — птица, орел, журавль и т. д.], животные «среднего мира» (**med^hio-* — волк, медведь, леопард и т. д.) и животные «нижнего мира» (**b^hud^hn-* — змея, змей, червь, выдра и т. п.). Корень **Hue(i)-* представлен в др.-инд. *vāti*, авест. *vāiti*, греч. *āēsī* «дует», и из этого названия для верхнего мира происходит и.-е. родовое название птицы, ср. др.-инд. *vī-*, лат. *avis* и др. Корень **med^hio-* представлен в др.-инд. *mādhyā-* «середина», др.-исл. *Midgarðr* «Средний (срединный) мир» и т. д. Корень **b^hud^hn-* представлен в др.-инд. *budnā-*, авест. *būna* «низ».

Во второй главе второго тома рассматриваются и.-е. названия диких животных и показывается значимость соответствующих понятий для древнего индоевропейца. Например, в статье «волк» авторы обсуждают названия для волка в различных и.-е. языках, ср. **w^hlk^ho* (в др.-инд. *vṛkaḥ* и т. д.), **w^hlp^h-* (в хет. *ulippana*, гот. *wulfs*, лат. *lupus* и т. д.), **weīt^h-n-* (хет. *weina-*, др.-исл. *vitnir* и т. д.). По мнению авторов (с. 492—493), наличие нескольких лексем, обозначающих волка, «указывает на особую экологическую распространенность этого хищника на территории обитания индоевропейских племен, а также на его культурную и ритуальную значимость, что ясно отражается в древнейших индоевропейских традициях».

В древнехеттской традиции волк — воплощение сакральных качеств; в частности, волк и волчья стая символизируют единство и всеведение. Так, обращаясь к собранию (*pankuš*), царь Хаттусили I призывает своих подданных объединиться «как волчий род» (*u-e-it-na-aš ta-a-an pa-an-gur*). Облачение в волчью шкуру имеет магическую силу, по-

скольку явно придает человеку всеведение и, возможно, является символом особого юридического положения. Авторы сравнивают эту традицию с древнегерманской и отмечают частую встречаемость лексемы со значением «волок» в германских именах собственных, ср. др.-исл. *Ulf-björn*, *Björn-olfr*, др.-англ. *Beo-wulf*, др.-в.-нем. *Wulf-bero* и т. д. Приводятся также кавказские параллели [предлагается этимология имени Вахтанг: **wax-tang* < иран. *vāhrka-tanū* «имеющий волчье тело» (с. 497)]. «По новейшим археологическим данным, древнейшие следы „волка“ обнаруживаются на рубеже VIII—VII тысячелетий до н. э. в широком ареале Передней Азии, включая и материковую Грецию — Фессалия, восточная Малая Азия, Иранское плоскогорье, Палестина (а также в некоторых областях Северной Европы — Англии)» (с. 497).

Третья глава посвящена индоевропейским названиям домашних животных, хозяйственной функции этих животных и их культа у древних индоевропейцев. Глава открывается этимологией лексемы **ek^h₂os* «конь, лошадь» (без формального различия рода в древнейших и.-е. диалектах), например, лув. *á-sù-wa*, др.-инд. *áśva-*, авест. *aspa-*, др.-перс. *asa*, осет. *jæfs*, греч. мик. *i-go*, греч. гом. *híppos*, венет. *ekupe-aris* «колесничий», тох. А *yuk*, В *ukwe*, др.-ирл. *ech*, галльск. *epo-* (в именах типа *Epo-na* «богиня возничих», т. е. «конская богиня»). Даже названия некоторых частей тела коня имеют и.-е. этимологии, ср. др.-инд. *tánuā* «край уха коня», лат. *tonīle* «конская грива», др.-в.-нем. *mana*, англ. *mane*, ср. также др.-инд. *grīvā* «грива на шее коня», русск. *грива* (с. 544—545). Лошадь — одно из наиболее священных животных в Ригведе. Божественные близнецы Ашвины занимаются, в частности, уходом за лошадьми и врачеванием лошадей. Разъезжают они в колесницах, запряженных конями. Несомненно ритуальная значимость лошади в древнеиранской традиции — она проявляется прежде всего в обрядах жертвоприношения лошади, аналогичных древнеиндийским ритуалам. Древний обряд перешел к скифам, следы его сохранялись до недавнего времени в осетинском обычае посвящения коня покойнику. Авторы останавливаются также на ритуальной роли коня, лошади в греко-микенской, римской, кельтской, балтийской и славянской традициях. Кроме того, авторы рассматривают возможных предков домашней лошади и возможные ареалы доместикации лошади. Приводятся гипотетические соответствия слову **ek^h₂os* (в реконструкции авторов **sek^h₂os*) в ближневосточных языках: аккад. *sisū*, угарит. *ssw*, араб. *sūs-jā*, др.-евр. *sūs*, хурр. *ešši* и т. д. Сюда же могут относиться и некоторые кавказские названия лошади: абх. и убых. *'a'čy*, авар и лак. *čy*, грузинское слово для понукания лошади *ači* и слово грузинского детского языка *ačua* (с. 560). Заметим, что И. М. Дьяконов возражает против того, что инд.-иран. **áśva* дало хурр. *aššua*. Дьяконов отрицает также связь этого слова с шумер. *si-si*. По его мнению, для того чтобы принять это сопоставление, следует чрезвычайно растянуть хронологию (ведь название лошади было известно в шумерском с четвертого тысячелетия до н. э.); к тому же сопоставляемые слова слишком сильно расходятся фонологически [10, с. 137, 134]. В третьей главе подробно анализируются также понятия «осел», «бык», «корова», «овца», «коза», «собака», «свинья», «кошка», «домашняя птица», «пчела» и др.

Четвертая глава посвящена и.-е. названиям растений, их хозяйственному использованию и культовой роли у древних индоевропейцев. Как указывают авторы, мир растений, характеризуемый через семантический признак «неодушевленности», объединяет различные деревья, травы, злаки и цветы (с. 612). Глава открывается этимологией корня **t^heloru-* / **t^hrelo-*

(хет. *taru*, др.-инд. *dāru*, алб. *dru*, гот. *triu*, ст.-слав. *drěvo*, русск. *дерево*). Поскольку рефлексы этого корня в ареально удаленных диалектах обнаруживают значение «дуб», можно предположить, что это значение более древнее, чем значение «дерево»: ср. др.-прл. *daur*, алб. *drush-k* «дуб». Среди подробно обсуждаемых в этой главе названий растений, злаков, кустарников и трав — виноград, ячмень, пшеница, просо, рожь, овес, лен, конопля, вереск, роза и шиповник, мох и др.

Полемизируя с более ранней статьей Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, М. Гимбутас пишет: «Слово **ieco-*, которое, по мнению авторов, значит „ячмень“, первоначально обозначало любые злаки, используемые для приготовления алкогольных напитков (в современном литовском *javai* обозначает злаковые вообще и никогда не имеет значения „ячмень“) [11, с. 186]. Однако в книге авторы приводят также греч. гом. *krī*, *krithē*, алб. *drithē*, арм. *gari*, лат. *hordeum*, др.-в.-нем. *gersta*, все со значением «ячмень», и пишут: «Строго говоря, это слово для „ячменя“ в индоевропейских диалектах обнаруживает две вариативные формы: **ǵʰl̥h₂r̥dʰl̥-* и **ǵʰl̥* (*e*)*rdʰl̥-*, формально трудно сводимые друг к другу... Эти диалектные слова для „ячменя“, возникшие, очевидно, позднее общеиндоевропейского названия „ячменя“ **ieco-* и обозначавшие первоначально, вероятно, какую-то его разновидность, вытесняют более древнее название в ряде диалектов, что приводит к утере или изменению первоначального значения слова **ieco-*» (с. 656). Хотя это вполне уместно как ответ на критику со стороны М. Гимбутас, развитие этого взгляда может привести к довольно сложной ситуации, когда любому слову станет возможным приписать любое значение (к сожалению, нередко семантические изменения носят хаотичный, беспорядочный характер).

Для краткости мы оставляем без комментария главы 5—10; в них рассматриваются окружающая географическая среда древних индоевропейцев, их материальный быт, социальная организация, хозяйство, мифология, ритуалы, поэтический язык, метрические схемы, системы счета и т. д.

В главах 11 и 12 обсуждаются вопросы и.-е. хронологии, проблема прародины индоевропейцев и намечаются пути, по которым носители и.-е. диалектов могли мигрировать с первоначальной территории в исторические места обитания. Авторы полагают, что выделение анатолийской языковой общности из праиндоевропейского произошло не позднее четвертого тысячелетия до н. э., а возможно, и значительно раньше. Есть основания считать, что образование и развитие отдельных анатолийских диалектов на основе общеанатолийского (после выделения последнего из праиндоевропейского) происходило в течение длительного времени в Малой Азии, т. е. в районе исторического расселения носителей анатолийских диалектов. К этому заключению можно прийти на основании данных анатолийской гидронимии. Наиболее древние названия рек и водоемов на территории Малой Азии могут быть проинтерпретированы именно на основе данных анатолийских языков; кроме того, обнаруживаются формы, восходящие к общеанатолийскому состоянию, но не представленные уже в отдельных исторически засвидетельствованных языках — хеттском, лувийском и патайском. Так, например, уже в надписи Анитты (XVIII в. до н. э.) встречается название реки *Hulana*. Оно возводится к древнеанатолийскому слову **Hulna* «волна» и сопоставляется с и.-е. наименованием волны **Hul-*no-, ср. ст.-слав. *vlāna*, литов. *vilnis*, др.-в.-нем. *wella*, др.-инд. *āgnī-* «волна». Анатолийские диалекты стали расходиться в начале третьего тысячелетия до н. э., от общеиндоевропейского анатолийский отделился еще раньше, — а значит, период существования общеиндоевропейско-

го праязыка должен приходится на еще более далекое время, примерно на V—IV тысячелетия до н. э. «Индоевропейская языковая общность, оставшаяся после выделения из праязыка общепанатоллийской п. . . тохарской языковых общностей, . . . начинает примерно к этому же периоду распадаться на соответствующие диалектные группы» (с. 863). В частности, к этому периоду можно отнести отделение греко-армяно-арийской диалектной общности и последующий ее распад на индоиранскую, греческую и армянскую диалектную общности. Как пишут авторы, «первоначальным ареалом обитания носителей общепанатоллийского языка можно считать такую географическую область, которая своими экологическими, географическими и культурно-историческими характеристиками соответствует картине среды обитания, получаемой на основе лингвистической реконструкции лексики праязыка» (с. 865). Прежде всего можно предположить, что это была область с горным ландшафтом, что исключает равнинные территории Европы, не имеющие значительных горных массивов, — северную часть Центральной Евразии, весь восток Европы и северное Причерноморье (с. 866). Судя по названиям деревьев и травянистых растений, хорошо согласующимися с характеристиками горной области, территория первоначального расселения находилась сравнительно южнее в Средиземноморье. Средиземноморье понимается при этом широко — в него включаются Балканы и северная часть Ближнего Востока — Малая Азия, горные области Верхней Месопотамии, смежные ареалы (с. 867). Исключается также Центральная и Восточная (но не Юго-Восточная) Европа: в IV тысячелетии до н. э. животноводство и земледелие в Центральной Европе находились в зачаточном состоянии (с. 868), а для праиндоевропейского реконструируется система терминов, свидетельствующая о развитии скотоводства, с наличием основных домашних животных (лошади, ослы, коровы, быки, овцы, козы, собаки, свиньи). Для общепанатоллийской культуры характерно также наличие довольно развитого пчеловодства — на Ближнем Востоке оно было известно с глубокой древности (с. 868). Индоевропейские названия сельскохозяйственных орудий, растений, фруктовых деревьев, сельскохозяйственных продуктов и т. п. тоже указывают на область с ранним (IV тысячелетие до н. э. и даже раньше) развитием сельского хозяйства, т. е. на южную территорию, простирающуюся от Балкан до Ирана (с. 869). Названия индоевропейских повозок и терминология, связанная с бронзовой металлургией, также свидетельствуют в пользу локализации индоевропейской прародины в четвертом тысячелетии до н. э. в ареале от Балкан (включая Ближний Восток и Закавказье) вплоть до Южной Туркмении (с. 870). Лексические группы, отражающие фауну, флору, хозяйство и материальную культуру, подтверждают вероятность расселения древних индоевропейцев в обширном регионе, описанном выше. Эту область расселения можно сузить, если принять во внимание весьма ранние контакты между древними индоевропейцами и носителями семитских и картвельских языков. Имеются целые пласты лексических заимствований из одного языка в другой, а также ряд структурных черт, предполагающих взаимодействие языков в течение длительного периода времени. Одним из общепанатоллийских заимствований из семитского является **t^hawro-* «дикий бык», ср. сем. **tawr-*, от которого происходят аккад. *šuru*, др.-евр. *šôr*, арабск. *tawr-* и т. д. По мнению авторов, заимствование произошло именно из семитского в индоевропейский, а не наоборот, — основанием для такого заключения является структура корня и передача семитского глухого интердентального **t̥* с помощью глухого (придыхательного) и.-е. **t^h*. При обратном направлении заимст-

вовании следовало бы ожидать в семитском начальным глухой (придыхательный) *t^h (с. 872). В другом заимствовании представлен хорошо известный п.-е. корень со значением «семь» — *sep^[h]t^[h]m-, ср. сем. *šab', *sab'-at-, от которого происходят аккад. *seba*, ж. р. *sebettu*, др.-евр. *šeba*, *šib'ā*, арабск. *sab'*-, ж. р. *sab'-at-*, гезз *sab'ū*, *sab'atū*. Авторы пишут, что числительное «семь» проникло в общиндоевропейский язык в форме женского рода и в функции абстрактного имени (т. е. «семерка») «с семитским окончанием *-t- и с вторичным оформлением его собственно и.-е. суффиксом *-m» (с. 875). Однако те же факты можно интерпретировать иначе — в этой связи нелишне отметить, что А. Бомхард [12, с. 216, 204] считает эти лексемы доказательством общего происхождения индоевропейского и афразийского. В отличие от Гамкрелидзе и Иванова (с. 876), Бомхард истолковывает слова типа аккад. *karnu* и лат. *cornū* в качестве лексических «двойников» [12, с. 179]. С другой стороны, И. М. Дьяконов [10, с. 130] пишет, что семитское **taur-* «(одомашненный) бык; скот (теленки или корова)» должно реконструироваться на прасемитском уровне как **ṣu-r-* и что фонема **ṣ* явно сохраняется в семитских языках по крайней мере до конца второго тысячелетия до н. э. и только потом переходит в **th t*. Таким образом, в VI—IV тысячелетиях до н. э. это слово не могло быть заимствовано в прасемитский в форме *taur-*, эта форма слишком недавняя, чтобы подвергнуться и обратному заимствованию — из семитского в общиндоевропейский. Это и не общиндоевропейское слово: оно встречается только в «европейских» диалектах, а значит, могло распространиться не раньше III тысячелетия до н. э. и только на европейской территории. В отношении семитских числительных Дьяконов [10, с. 124] указывает, что большинство из них (в том числе и числительные первого десятка) явно позднего происхождения (не являются праафразийскими): в разных группах афразийской семьи они различны и к тому же не подчиняются характерным для этой семьи правилам словообразования. Что касается корня со значением «рог», то Дьяконов [10, с. 130] пишет, что в его отношении принято констатировать заимствование из индоевропейского в семитский. Фонетическая форма в этом случае сомнений не вызывает, однако никаких указаний на возможное время заимствования (и на причину, вызвавшую это заимствование), по Дьяконову, нет. Можно надеяться, что при всем расхождении современных точек зрения позднее удастся прийти к единому взгляду на эти и прочие проблемы. Пока же археологических данных недостаточно, чтобы принять окончательное решение.

Соотнося лингвистические и археологические данные в вопросе об и.-е. прародине, авторы пишут: «Следует с самого начала отметить, что в намечаемом для праиндоевропейского первоначальном ареале распространения в V—IV тысячелетиях до н. э. не обнаруживается такая археологическая культура, которая могла бы быть явным образом соотнесена с праиндоевропейской» (с. 891). Тем не менее на основании археологических свидетельств они пытаются соотнести праиндоевропейскую культуру с культурой Чатал-Хююка и с Халафской культурой (соответственно в Малой Азии и в Месопотамии). Кроме того, они высказывают предположение, что в число носителей куро-араксской культуры, охватывавшей Восточную Анатолию, Южный Кавказ и Иранское плоскогорье, входили определенные индоевропейские группы.

М. Гимбутас [11, с. 185] подвергает критике идею, согласно которой и.-е. прародина охватывает юго-восток Европы, Анатолию, Закавказье и Северную Месопотамию. По ее мнению, носителями этих культур были миролюбивые люди, жившие в двухкамерных домах с конца VII тысяче-

летия до н. э.: примерно в 5000 г. до н. э. стали известны двухэтажные жилища. В большинстве случаев у них был матриархат, религия была связана с культом женских богинь. Процветали скульптура и керамика (а не изготовление оружия). Индоевропейцы не знали лошадей и конных сражений, не имели метательного оружия, киежалов, мечей или копий (исключением является лишь период заката этой цивилизации, когда в ряде районов появились всадники — носители курганной культуры). Их религия и используемая ими символика подтверждают, что древняя европейская и древняя анатолийская культура (как и Халафская культура Месопотамии) были пеиндоевропейскими. Несомненно, в будущем авторам предстоит ответить на возражения Гимбутас, а нам остается только ждать интересного и живого обмена мнениями по этому вопросу.

Эта книга, несомненно, является наиболее важной, стимулирующей и полезной работой в области и.-е. лингвистики со времени публикации знаменитых «Основ» Бругмана и Дельбрюка. Это капитальный труд, который обессмертит его авторов в истории и.-е. языкознания.

Перевели с английского Дронь А. Н., Полинская М. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Sag I.* The Grassmann's law ordering pseudoparadox // *Linguistic Inquiry*. 1974. V. 5.
2. *Baldi P., Johnston-Staver R.* Historical Italic phonology in typological perspective // *Reconstructions of the Proto-Indo-European sound system and their consequences* / Ed. by Vennemann T. The Hague, 1987.
3. *Szemerényi O.* Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. Darmstadt, 1970.
4. *Szemerényi O.* Recent developments in Indo-European linguistics // *Transactions of the Philological Society*. 1985.
5. *Schmalstieg W. R.* Indo-European linguistics: A new synthesis. University Park — London, 1980.
6. *Bammesberger A.* Studien sur Laryngaltheorie // *KZ, Ergänzungshefte*, 1984, № 33.
7. *Barber B.* Resistance by scientists to scientific discovery // *Science*. 1961. V. 134.
8. *Szemerényi O.* Latin *rēs* and the Indo-European long-diphthong stem nouns // *KZ*. 1956. Bd. 73.
9. *Schmalstieg W. R.* New thoughts on Indo-European phonology // *KZ*. 1973. Bd. 87.
10. *D'iakonov I. M.* On the original home of the speakers of Indo-European // *Journal of Indo-European studies*. 1985. V. 13. № 1—2 (= *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // *ВДИ*. 1982. № 3—4).
11. *Gimbutas M.* Primary and secondary homeland of the Indo-Europeans: Comments on the Gamkrelidze — Ivanov articles // *Journal of Indo-European studies*. 1985. V. 13. № 1—2.
12. *Bomhard A. R.* Toward Proto-Nostratic: A new approach to the comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic. Amsterdam — Philadelphia, 1984.

—
 2.
 1.
 —1
 —
 2.
 1.
 11
 6